
Б. М. АБДУЛЛАЕВ

К ПРОБЛЕМЕ ЭЙЛАТАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ ФЕРГАНЫ

В статье представлены научные разработки и выводы, полученные в результате исследований по освещению проблем раннего железного века Ферганской долины, а также сравнительный анализ археологических артефактов региона, накопленных в XX веке и выявленных в процессе новых полевых работ (Коштена-2, Ханабад-1 и др.). Сделан вывод, что с эпохи поздней бронзы и раннежелезного века в долине параллельно существовали кочевые (кайракумская и эйлатанская XI-III вв. до н.э.) и оседлые (чустская и шурабашатская XIV-I вв. до н.э.) культуры. Отличие между ними прослеживается не только в ремесленных изделиях, связанных с этими культурами, но и в традициях градостроительства. Для определения расхождений в концепции последовательности древних культур Ферганы, представлен анализ керамических сосудов бронзового и раннего железного века, а также некоторых изделий из камня. Согласно результатам анализа, хозяйственное имущество и орудия труда носителей кочевых и земледельческих культур соответствовали их образу жизни. Несмотря на то, что взаимные связи этих культур наблюдались с эпохи поздней бронзы, усиление процессов синтеза или ассимиляции между кочевыми и земледельческими культурами региона происходили только с середины I тыс. до н.э.

Ключевые слова: Восточная Фергана, раннежелезный век, кочевники, земледельцы, ремесленные изделия, ирригация, урбанизация.

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2023.35.002>

Цитирование: Абдуллаев Б. М. К проблеме эйлатанской культуры древней Ферганы // Вестник МИЦАИ. Вып. 35. Самарканд, 2023. С. 19-35.

ПЕРИОД раннего железного века (РЖВ) является одним из наиболее проблемных аспектов древней истории Ферганской долины, основной причиной которого является присвоение эйлатанской культуре статуса «оседлой», а также неопределенностью места и значения шурабашатской культуры в системе последовательного развития древних культур данного историко-культурного региона. Вторая проблема освещалась в предыдущей статье (Абдуллаев 2018а), поэтому здесь будут представлены результаты критического и сравнительного анализа обширной литературы и керамических комплексов, относящихся к формированию и этапам развития эйлатанской культуры.

Центральным объектом статьи являются определение кочевой культуры Ферганы, сильно изменившей историко-политическую и социально-экономическую картину событий изучаемого периода. Результаты большинства исследований XX в. в регионе отчетливо указывают на присутствие носителей культур как земледельцев, так и

кочевников, являвшихся частью общего процесса эволюционного развития древнего общества Ферганы. Однако в научной литературе охвачен лишь ранний этап истории древней Ферганы – эпоха поздней бронзы и начальной стадии РЖВ. Далее же, как цельная культура, изучается лишь земледельческая, в то время как представители кочевых культур подаются в виде периферейной, разрозненной или же подчиненной по отношению к первой. В то время как исторические процессы в мире и Фергане в частности указывают на определяющую роль кочевых культур в сложении и развитии таких сфер древнего общества, как сельское хозяйство, градостроительство и формирование централизованной государственности.

Задачами данной работы является анализ научных и теоретических выводов предыдущих исследователей при раскрытии сущности древних культур РЖВ; сравнительный анализ археологических материалов (ремесленные изделия и постройки), выявленных на памятниках данного периода; роль и место представителей культур

РЖВ в формировании и развитии раннего централизованного государства Ферганы; анализ целей и результатов внутренней политики Древнеферганского государства (Давань), направленных на экономическое и социально-политическое развитие региона.

И. Первоначально идея о том, что Эйлтан относится к культуре земледельцев, предложенная Б. А. Латыниным, восходит к 1930 г. В этот период лепная расписная керамика Ферганской долины еще не была достаточно изучена и основной причиной, приведшей к такому заключению ученого, явилось некоторое сходство находок Эйлтана с лепной расписной керамикой культуры Анау, наиболее известной широкому научному сообществу того времени (Латынин 1956: 90-92). Позже, в результате археологических раскопок на территории западной части долины, в орнаментации некоторых керамических сосудов эйлтанской культуры определяются узоры, характерные для чустской культуры. Это позволило исследователям не только подтвердить выводы Латынина о земледельческом происхождении эйлтанской культуры, но и обосновать существование генетической связи между этими культурами (Гамбург, Горбунова 1957: 87; Горбунова 1962: 42-43; Горбунова 1961а: 190, рис. 6, 10-11). В какой-то степени закреплению такой идеи способствовала находка лепной расписной чаши, характерной для керамики Актамского могильника эйлтанской культуры, полученной из верхнего слоя памятника Ашкалтепа чустской культуры, расположенного в восточной части Ферганы (Заднепровский 1962: 44, рис. 17). Однако результаты исследований последующих сорока лет позволяют констатировать, по крайней мере, противоречивость или, вероятнее, ошибочность заключения Б. А. Латынина. Анализ научной литературы обнаружил незаметную, на первый взгляд, ошибку Ю. А. Заднепровского в его монографии 1962 г. Дело в том, что в статье этого исследователя, опубликованной спустя почти тридцать лет, утверждается, что эйлтанский сосуд, найденный на Ашкалтепе, был взят не из чустского культурного слоя, а из впускной могилы плохой сохранности следующей эйлтанской культуры (Заднепровский 1990: 88). Тем не менее, Н. Г. Горбунова даже во второй половине 1990-х гг. утверждала, что ашкалтепинское погребение принадлежало «чисто земледельческим» поселенцам эйлтанской культуры (Горбунова 1996: 140).

Результаты исследований, проведенных за последние 90 лет, показывают, что основная часть всех археологических памятников эйлтанской культуры состоит из могильников, где исключение составляют городище Эйлтан, нижние слои

поселений Сымтепа в Ферганской области и Сарвантепа в Андижанской, а также не более чем отдельные фрагменты керамики данной культуры, полученные из нижних слоев двадцати памятников различного периода древней Ферганы (Заднепровский 1960: 29, 30, 33, 38, 40-44; Заднепровский 1962: 151, 153, 162; Заднепровский 1993: 20; Горбунова, Козенкова 1974: 98, 102-103; Горбунова 1979: 23; Матбабаев, Грицина 2000: 106; Иванов 2006: 124; Анарбаев, Максудов, Кубаев 2015: 33, 34-36; Матбабаев, Хошимов 2021: 119). Вероятно, аргументы в пользу земледельческого происхождения эйлтанской культуры были довольно шаткими и требовали от ее исследователей более весомых подтверждений, так как поиски поселений и городов этой культуры продолжались в течение 1950-1970 гг. Для подкрепления гипотезы «о принадлежности культуры Эйлтан к земледельческой» проводился целый ряд полевых исследований: на востоке долины под руководством Ю. А. Заднепровского, а на западе и юго-западе региона – Н. Г. Горбуновой. Однако на востоке долины обнаружены лишь могильники этой культуры и поселения земледельческой шурабашатской культуры (Заднепровский 1960: 169), в то время как на западе и юго-западе региона – только эйлтанские могильные насыпи и никаких поселений (Горбунова 1979: 23). По этой причине и согласно результатам наших исследований (Абдуллаев 2020а: 43-44; Abdullaev 2021: 3-11), культуру Эйлтан справедливее отнести к категории кочевых или к кочевникам, постепенно переходящим к оседлому образу жизни. По мнению исследователей, подобные социально-экономические перемены кочевых обществ происходили не только в Фергане, но и у носителей кочевых культур Центральной Азии IV-III вв. до н.э. (Черников 1975: 282; Иванов 1996: 122).

Несомненно, причисление этой культуры к числу оседающих кочевых культур является более вероятным, на что указывают также и результаты анализа литературы по целому ряду евразийских городищ кочевников. Стало очевидно, что только демографический рост и невозможность обеспечить всех представителей кочевой культуры регулярными пастбищами привели к постепенному переходу определенной части их населения к оседлому образу жизни. Пик данного процесса для Ферганской долины происходил в середине I тыс. до н.э.

Тем не менее, еще в 1960-х гг. некоторые исследователи ставили под сомнение заключение о принадлежности племен эйлтанской культуры к разряду оседло-земледельческих. По результатам сопоставительного анализа имевшихся на то время археологических и письменных источ-

ников был обоснован вывод о принадлежности городища Эйлатан кочевым племенам саков (Литвинский 1960: 92, 94; Литвинский 1976: 53, 54). Последнее также нашло отражение в отдельной таблице (Иванов 1999а: 168, 188, рис. 1, 22), разработанной Б. А. Литвинским, где, в отличие от других современных ему археологов, в периодизации последовательного развития древних культур Ферганы эпохи РЖВ, наряду с эйлатанской культурой представлена параллельная, но неизвестная (земледельческая?) культура. Сведения по Передней Азии (Briant 1982: 408), а также по Ферганской долине (чустская и кайраккумская культуры) указывают на преобладание сосуществования кочевых и оседлых культур. Это обстоятельство позволяет предположить, что на месте «неизвестной культуры» в периодической системе Б. А. Литвинского должна находиться шурабашатская земледельческая культура, поскольку других подобных земледельческих культур в Фергане не обнаружено!

Результаты вышеприведенного исследования указывали на необходимость внесения некоторых изменений в концепцию последовательного развития древних культур Ферганы. Вероятно, по этой причине Н. Г. Горбунова в отдельных статьях представила мнение, соответствующее идее Б. А. Литвинского (Горбунова 1976: 29). Тем не менее, она не только не исключила Эйлатан из состава оседло-земледельческих культур, но и опубликовала критическую статью, отрицающую сосуществование шурабашатской культуры с эйлатанской в течении определенного времени, представленное Ю. А. Заднепровским и П. П. Гаврюшенко (Горбунова 1977: 54-55). По ее мнению, шурабашатская культура появляется в последних веках I тыс. до н.э. и существует в первые века I тыс. н.э., хотя критикуемые ею исследования утверждали более ранние даты существования шурабашатской культуры.

Так, в 1962-1968 гг. П. П. Гаврюшенко полностью исследовал на востоке долины Кулунчакское укрепленное поселение площадью 0,5 га, обосновав его принадлежность шурабашатской земледельческой культуре. Согласно сравнительному анализу находок, поселение датировалось V-II вв. до н.э. Также на основании результатов сравнительного анализа было выявлено, что целый ряд изделий (керамика, каменные орудия и т.д.) хозяйства кулунчакцев тяготели к подобным в чустской культуре. В то же время отмечалось, что на Кулунчактепа были найдены керамические сосуды, относящиеся к эйлатанской культуре, и согласно их анализу, представители культур Шурабашата и Эйлатана сосуществовали в течение определенного времени (Гаврюшенко 1970: 16-17, 19).

Близкие мысли по второму вопросу косвенно нашли свое подтверждение в результатах обширных анализов керамики памятника Шурабашат, где почти с первых этапов развития городища был выявлен комплекс лепных сосудов, характерных для культуры Эйлатан и так называемой «эйлатанской станковой посуды», встречавшейся больше (в пропорции 60/2), чем красноангобирванной станковой (Заднепровский 1962: 137-138; Гаврюшенко 1970: 16-17). Ю. А. Заднепровский, введший в научный оборот термин «эйлатанская культура», специально проводил в Ошской области (Кыргызстан) многочисленные археологические раскопки на памятниках РЖВ в надежде выявить какое-либо городище или поселение, связанно с этой культурой. Но в итоге были обнаружены только могильники, относящиеся к культуре Эйлатан, а все выявленные поселения принадлежали шурабашатской, что явилось основанием для признания того, что эти культуры вели совместное существование (Заднепровский 1960а: 169; Заднепровский 1962: 154-162). Также, по мнению этого ученого, заключения Н. Г. Горбуновой по «омоложению шурабашатского комплекса до 500 лет не соответствует действительности» (Заднепровский 1993: 21). Хронологические рамки существования городища Шурабашат определялись им в пределах V/IV-I вв. до н.э. (Заднепровский 1962: 169). Обобщение результатов полевых исследований, проведенных им на востоке Ферганы эпохи РЖВ, не оставляли ему ничего иного, кроме как использовать словосочетание с аксиоматическим (в понимании Н. Г. Горбуновой) значением – «эйлатан-шурабашат» (Заднепровский 1960а: 50, 169).

Тем не менее, проблема отнесения шурабашатской культуры к РЖВ, а также вопросы о пересмотре всей концепции преемственности древних культур Ферганы оставались без ответа до конца 1990-х гг. В 1999 г. Г. П. Иванов дал теоретическое заключение по спорным вопросам эйлатанской и шурабашатской культур. Им были разработаны новые линии взглядов на последовательность древних культур Ферганы, основанные на обобщении всех проведенных за это время полевых исследований и результатов сравнительного анализа находок. По мнению этого исследователя, шурабашатская культура являлась преемницей чустской, и она существовала одновременно с культурой Эйлатан (Иванов, 1999: 19). Стала очевидной необходимость удревнения этапов формирования этих культур, что является задачей новых исследований. Принимая во внимание, что кочевая эйлатанская культура была сформирована во время завершающих стадий чустской земледельческой культуры, необхо-

димо применить для нее категорическую датировку как минимум VII-III вв. до н.э., что ближе к реальности. Последнее косвенно подтверждается также сравнительным анализом керамических фрагментов, выявленных на памятниках Ферганского и Согдийского историко-культурных регионов эпохи поздней бронзы и раннего железа, требующие пересмотра датировки эйлатанской культуры (Баратов 2001: 175, 177, табл. 2; Исмиддинав 2002: 187, рис. 159, 195). Во-вторых, носители эйлатанской культуры активно поддерживали отношения подобного рода и с представителями земледельческой шурабашатской культуры. В результате это привело к тому, что расписной орнамент на керамической посуде этих культур находился под взаимным влиянием, и в каждой из них сочетались элементы орнаментации другой, а также использовались однотипные керамические изделия (Заднепровский 1962: 137-138; Гаврюшенко 1970: 16-17, 18; Иванов 1999: 19; Абдуллаев 2018а).

Исторически активные контакты между кочевниками и высокоразвитыми земледельческими культурами осуществлялись непосредственно по инициативе первых. Особый интерес представляет мнение Н. Г. Горбуновой о том, что «именно скотоводы (курсив мой – Б. А.) способствовали постоянным контактам с окружающими Фергану сходными в какой-то мере по типу хозяйства племенами» (Горбунова 1996: 138). Однако, как показано выше, результаты исследований других ее современников указывают, что кочевники инициировали тесные взаимоотношения также и с оседлыми культурами. Для Центральной Азии яркими примерами являются миграции носителей кочевых андроновских культур Евразии во II тыс. до н.э. к южным границам центрально-азиатского региона и процессы их ассимиляции (поглощения) с населением сапаллинской культуры. Проникновение северных скотоводческих племен на территорию древней Бактрии (Южный Узбекистан, Юго-Западный Таджикистан и Северный Афганистан) и их влияние на коренные оседлые племена отмечены в ряде исследований (Сарианиди 1977; Francfort 1989; Виноградова 2004; Аванесова 2010). Н. А. Аванесова обобщила выводы предшествовавших ученых, подчеркнув, что влияние этих переселенцев на носителей местных культур было многофункциональным и чрезвычайно эффективным. Согласно ее заключению, в основе сформировавшихся систем отношений лежало следующее: 1) непосредственное взаимодействие культур с одновременным оседанием; 2) продвижение отдельных групп с запада и севера (Урало-Казахстанский регион) на юг как следствие торгово-обменных связей, продикто-

ванных особенностями сырьевых ресурсов разных территорий; 3) не исключается и оккупация, вызванная последствиями аридизации климата. Большая часть межкультурных отношений включала регулярные контакты для обмена товарами (Аванесова 2013: 28).

Подобные процессы происходили и в Фергане в результате миграций кочевников эпохи поздней бронзы и раннежелезного века (Литвинский 1960: 287; Баратов 2001: 161). Однако из-за отсутствия новых подходов классификации артефактов и на их основе обновленных выводов по периодизации древних культур эти теоретические разработки не работают для Ферганского региона. Следовательно, сохраняются старые подходы в изучении региона, в результате чего возникает ряд проблем по абсолютной датировке древних культур.

За последние восемь лет результаты сравнительного анализа лепной расписной керамики Коштепа 2 (2014-2019), Ханабад 1 и Ханабад 2 (2020-2021) с подобными артефактами из других памятников Ферганы также показывают, что носители эйлатанской и шурабашатской культур как минимум с середины I тысячелетия до н.э. проживали в тесном контакте, бок о бок, ведя параллельное существование (Абдуллаев 2016а: 11; Абдуллаев 2016б: 5; Abdullaev, Kambarov 2021: 237, 247). В этом плане особое значение имеет широкое использование результатов естественных наук и современных технологических анализов. Это позволит усилить результаты исследований, так как наряду с керамикой будут изучены образцы материалов палеоантропологии, палеозоологии, палеоботаники, палеометалла и др. Несомненно, результаты этих анализов будут способствовать решению целого ряда задач, уточнению абсолютной датировки древних культур на вновь исследуемых памятниках.

II. Основным стимулом включения эйлатанской культуры в число земледельческих является наличие в обиходе у ее носителей «несвойственной» им лепной расписной керамики. Однако это объясняется рядом косвенных реалий, вытекающих из кочевого образа жизни. Последнее очень отчетливо проиллюстрировано в работе немецкого исследователя древнего искусства Карла Эйнштейна, опубликованной в 1931 г. Он переосмыслил место, занимаемое в общей истории искусства культурами кочевников: «слишком мало принимаемыми во внимание учеными [...], потому что они находились вне уже разработанной так называемой классической зоны» (Калиновски 2013: 196). Он полагал, кочевники имели значительный статус среди создателей новых форм в искусстве. Происхождение эклектики в искусстве кочевников К. Эйнштейн «определял

не в форме эстетического релятивизма, а связывал его с необходимостью магического порядка — заменить прежних “духов” новыми, “чужими духами”, ассимилированными в ходе перемещений, в то время, когда «свои», прежние, теряли действенную силу и больше уже не могли эффективно исполнять свои функции. [...] Таким образом, Эйнштейн помещал искусство кочевников в двойное временное измерение: “акробат временных состояний”, оно выступало носителем будущих форм, которые одновременно отказывались от уже известного и звали к хорошо забытому прошлому, извлекаемому им из глубин памяти. Он был носителем перемещения, разрыва и разъединения, но вместе с тем восстанавливал непрерывность времен. В рассмотрении Эйнштейна память древних могла обессмертить себя только в этой непрерывности. Получалось, что кочевники были, таким образом, агентами передачи чужих воспоминаний» (Калиновски 2013: 196-198).

К. Эйнштейн пришел к выводу, что кочевники, исходя из их образа жизни, являлись новаторами своего времени и постоянно обновляли свое мировоззрение. Следовательно, искусство кочевников сформировалось только в процессе миграций. Последнее непосредственно отражалось в принятии и орнаментации лепной расписной керамики, где переплетались «старые» и «новые» символы, растворяясь друг в друге. Это было выявлено результатами и наших исследований еще до знакомства с тезисами Карла Эйнштейна (Абдуллаев 2018а: 10-11).

В 1960-х гг., говоря о формах и орнаментации кухонного, столового и парадного инвентаря, археологи констатировали, что в отличие от больших сосудов чувской и шурабашатской культур керамика эйлатанской культуры в основном представлена небольшими компактными лепными чашами и кувшинчиками (Заднепровский 1960б: 40-41; Горбунова 1961б: 43, рис. 1; Гаврюшенко 1970: 16-18). Это также косвенно показывает, что носители эйлатанской культуры вели кочевой образ жизни. По заключению ученого, который намного позже вышеперечисленных авторов занимался теоретическим анализом этой проблемы, между орнаментацией почти всей лепной расписной керамики эйлатанцев и ранее существовавшей чувской культуры имелось резкое различие, что полностью отрицает последовательность и, тем более, преемственность между ними (Иванов 1999: 14). В то же время, сравнительный анализ образцов керамики кочевой культуры Кайраккум (XI-VII вв. до н.э.) с другими культурами Ферганы эпохи поздней бронзы и РЖВ привел к следующему выводу: «в этой (эйлатанской – Б. А.) керамике имеется значительное число элементов,

роднящих ее с поздним комплексом Кайрак-Кумов. Во всех четырех типах эйлатанской керамики (применяя классификацию Ю. А. Заднепровского) (Заднепровский 1960б: 33-40, рис. 4-11) представлены формы, характерные для этого комплекса. Особенно разительны совпадения с керамикой первого и четвертого типов, наиболее многочисленной в составе эйлатанской керамики. Они дают массовые совпадения с III и V группами нашей классификации кайрак-кумской керамики. Во многих случаях можно говорить не о сходстве, а об идентичности формы, техники изготовления, орнаментации» (Литвинский 1962: 256). Следовательно, более уместно говорить о генетической связи эйлатанской культуры не с чувской земледельческой культурой, а с кочевой кайраккумской. А вот мнение другого исследователя о формировании эйлатанской культуры: «К VII в. до н.э. в долину проникают новые скотоводческие племена, до этого имевшие опыт общения с территорией Северной Бактрии. Эти племена смешиваются с представителями местной кайраккумской культуры, создав новую эйлатано-актамскую, по многим параметрам культуру сакского круга. По всей видимости, представители новой культуры контролировали всю Фергану» (Иванов 2017: 11).

Преемственность между чувской и эйлатанской культурами не соответствует также и в хронологическом плане. Укрепление статуса «оседлого образа жизни» для эйлатанской культуры связано с тем, что в некоторых погребениях Актама и Кунгая, как упоминалось выше, были выявлены отдельные образцы лепной расписной керамики с орнаментами, нетрадиционными для носителей данной культуры. При сохранении цвета орнаментации и фона керамических изделий, разрисовка узоров соответствовала мотивам росписи лепных сосудов Чуста и Дальверзина. Последнее, в свою очередь, позволило исследователям сделать вывод о существовании генетической связи между культурами Чуста и Эйлатана. Однако, представленная ситуация была связана с иными критериями, чем генетическое родство этих культур, и данному обстоятельству более всего соответствовало особое мировоззрение носителей кочевых культур, о чем писал К. Эйнштейн.

Во-первых, вероятнее всего, в установлении активных взаимоотношений с земледельцами чувской культуры больше были заинтересованы именно кочевники – первоначально кайраккумцы (Литвинский 1962: 255, 256-257, 288-289; Литвинский 1963: 127), а затем носители эйлатанской культуры. Поскольку вторым по объему в хозяйстве земледельцев, не говоря о развитом ремесле, являлось стойловое скотоводство, что

Ил. 1. Станковая чаша

позволяло носителям чустской, а затем и шурабашатской культур всегда иметь в закромах определенный запас продовольствия на случай неурожайного года или экстремальной зимы. А у кочевников главным источником быстрого экономического развития являлось отгонное яйлажное скотоводство, предполагающее постоянные летние и зимние кочевки. Но подобное экстенсивное хозяйство ограничивалось размерами пастбищ с одной стороны и невозможностью прокормить огромные стада во времена суровых зим – с другой. Следовательно, между земледельческими и скотоводческими культурами во все времена существовали особые соседские отношения, позволявшие усиливать торговые взаимоотношения друг с другом, которые зафиксированы в Фергане и других регионах Центральной Азии, да и по всему миру выявлены образцы ремесленных изделий одной культуры у другой. Для Ферганы подобные факты известны во взаимоотношениях культур Кайраккум – Чуст (Литвинский 1962: 256-257; 289). Подобные взаимоотношения между эйлатанской и чустской культурами стали лишь продолжением предыдущих контактов (кайраккумцы-чустцы), что указывает на факт их частичного параллельного сосуществования в течение определенного времени. И этот случай вероятнее всего свидетельствует о необходимости удревнения периода формирования эйлатанской культуры. Учитывая, что данный процесс соответствует поздним стадиям в развитии чустской культуры, будет более реалистично датировать эйлатанскую культуру категорично, по крайней мере, VII-III вв. до н.э., а не неопределенно – (VII) VI-III вв. до н.э.

Во-вторых, такого рода взаимные культурно-экономические отношения эйлатанцы активно осуществляли в последующем и с населением шурабашатской культуры, чей образ жизни так-

же напрямую был связан с земледелием. В результате наряду с другими сопутствующими сферами хозяйства особенно ярко эти отношения проявились в гончарном производстве на востоке Ферганы, где узоры росписи на керамической посуде этих культур привели к взаимовлиянию и переходу элементов орнаментации от одного к другому, а также использованию керамических изделий друг друга (Гаврюшенко 1970: 16-17, 18; Иванов 1999: 19; Абдуллаев 2018а).

В результате археологических исследований 2020-2021 гг. на памятниках Андижанской области у западных предгорий Тянь-Шаня (Ханабад 1 и Ханабад 2) выявлены и сосуда с лепной расписной керамикой, и полусферические станковые чаши. Последние частично представлены с вертикальными и заостренными венчиками на плоском дне, изготовленные из светло-желтой глины с примесью мелкого песка. В нижней на 1/4 части сосуда сохранилось лощение по желтому ангобу (ил. 1). Своеобразие данных изделий в том, что впервые они были зафиксированы в могильнике Актан и определены исследователями как горшок (Гинзбург, Горбунова 1957: 85-86, рис. 30, 23а-23б). Сопоставительный анализ находок показывает, что сосуды подобной формы были отмечены также и на памятнике Шурабашат (Заднепровский 1960: 23, 24, рис. 8, 2; Заднепровский 1962: 124, 129, рис. 27). Однако здесь, при внешней схожести форм, сосуды представлены как лепные, крашенные красным ангобом, и зафиксированы как чаши. Одна чаша из коллекции имела на дне крестообразную тамгу с закругленными концами. В историографии Центральной Азии имеется целый ряд исследований по данному знаку, определяемый как тамга для обозначения частной собственности кочевников (Абдуллаев 2019: 108-109). Для Ферганы самые ранние подобные

Ил. 2. Лепная расписная чаша, орнаментированная символом «древо жизни»

Ил. 3. Лепные расписные чашечки: а – без ручки; б – с ручкой

знаки на сосудах известны для городища Эйлатан (Оболдуева 1981: 188-189, рис. 2, 8).

В плане взаимовлияния культур можно привести также результаты сравнительного анализа фрагментов лепной расписной керамики шурабашатского типа, зафиксированных в нижних культурных слоях Коштепа 2 в Кургантепинском районе Андижанской области. Орнамент на фрагментах керамики состоял из ромба, заполненного косыми клетками. Такие узоры, по мнению исследователей, имели определенный смысл и представляли собой схематичный символ «древа жизни», сформировавшийся в период первых государств Древнего Востока. Опубликован анализ данного комплекса керамики: из вскрытого пола помещения и связанной с ним хозяйственной ямы выявлены фрагменты как шурабашатской, так и эйлатанской культур (Абдуллаев 2018а). Следовательно, между этими культурами существовали гораздо тесные связи, чем просто культурные или торговые контакты.

В результате полевых исследований 2020-2021 гг. на памятнике Ханабад 1 получен большой комплекс лепной расписной керамики, где внутреннее пространство каждого традиционного ромбового орнамента украшалось своеобразными элементами (ил. 2) как шурабашатской, так и

эйлатанской культур. Этот памятник относится к категории могильников эйлатанской культуры, инвентарь которого представлен чашами и мисками с характерными формами и яркими росписями, в основном изготовленными на «матерчатом шаблоне» с последующей затиркой следов материи. Высота первой группы сосудов составляет 6-8 см при диаметре устья 16-21 см, а высота второй группы – 9-11 см при диаметре венчика 22-26 см. Также в процессе полевых раскопок на могильнике Ханабад 1 в 2021 г. обнаружены две лепные расписные чашечки с вертикальной плоской ручкой у одной, на которой имелось отверстие для подвешивания на нити (конский волос), сохранившие вышеупомянутый орнаментальный мотив (ил. 3). Они также имеют полусферическую форму, высотой 4,5-5 см, а самая широкая часть тулова составляет 5-6 см в диаметре.

Орнаментация керамики из памятника Ханабад 1 расписана ангобом темно-коричневого или темно-красного цвета по светлому или светло-красному фону, в основном узор не касается только дна сосудов. Основной мотив росписи состоял из горизонтально примкнутых ромбов и, изредка, треугольников (обычно 3 или 4), расположенных в середине тулова керамического изделия и заполненных различными геометрически-

Ил. 4. Лепная расписная чаша с коронообразным декором

ми и растительными узорами. Для Ферганы традиция подобной орнаментации сосудов сохранилась вплоть до поздней античности и проявлялась на внешней стороне красноангобириванной станковой керамики в виде процарапанных геометрических узоров. Эта традиция, обогащенная рядом технологических разработок и инноваций, была особо популярной в последние века I тыс. до н.э. и в первые века н.э. (Баруздин 1961: табл. III, 1, 3, 5, табл. VI, 3, табл. XI, 1-3, 5-6, 8, 10, табл. XI, 1-2, 4-10, табл. XIV, 1, 4, 7; Литвинский 1972: табл. 12, 14; Горбунова 1979б: 140, рис. 7; Горбунова 1990: 186-187, рис. 4-5; Абдулгазиева 1997: 16, рис. 3; Абдуллаев 2018а: 7; Абдуллаев 2020: 94, рис. 2, 1-2).

Выше указывалось, что ромбовидный орнамент представлял собой схематичное изображение символа плодородия, имеющего исторические корни на Ближнем Востоке и несколько позже распространенного у носителей чувской культуры. Однако, по мнению одного исследователя, изображение «ромба» также было символом женского воплощения природы – богини плодородия со времен палеолита (Fettich 1958: 122). Известно, что подобные изображения ромбов были также обнаружены на петроглифах Узбекистана – Нуратинский горный хребет в Самаркандской области (Хужаназаров, Холматов 2012: 53) и Сийпанташ в Кашкадарьинской. Следует отметить, что в китайских хрониках женщины государства «Давань» находились в привилегированном положении, и на основании этих данных обосновалась одна из гипотез, что древние жители региона поклонялись образу женщины, представленной богиней плодородия (Gorbunova 1986: 181).

Еще одним отличием в орнаментации керамического сосуда Ханабад 1 от подобных из памятников в западной и юго-западной частях долины является то, что поверх горизонтальных ромбов или треугольников, расположенных в центре сосудов и заполненных различными геометрическими узорами, нанесены изогнутые вниз вза-

имосвязанные линии (ил. 3, а; ил. 5). Но пока интерпретация таких линий остается неясной.

Изучение орнаментации в комплексе лепной расписной керамики Ханабада показывает, что очередной незаменимой особенностью в декорировании посуды являлся узор на венчике сосуда, представленный в основном снаружи и частично изнутри. Данный узор, как и другие элементы росписи керамики, имеет тенденцию к увеличению и условно разделен на пять типов.

Первый тип состоял из горизонтального ряда соединенных треугольников с основаниями внизу (ил. 3, b; ил. 5; ил. 9) и характерен для керамики эйлатанского типа (Гамбург, Горбунова 1959: 12, 14; Горбунова 1961а: 178, рис. 6, 1-3, 5-7, 9; Горбунова 1961б: 43, рис. 8-10; Горбунова 1962: 99, рис. 2, 13). Однако этот узор меньшего размера встречается также в лепной расписной керамике чувской культуры (Заднепровский 1962: 264, табл. XVII, 10-15, 48; С. 265, табл. XVIII, 2-3, 20), так как являлся символом земной поверхности одинаково и для кочевых, и для земледельческих культур (Амброз 1965: 14).

Второй тип элемента украшения представлен горизонтальным рядом, соединенным коронообразным декором шириной 5 см (ил. 4). Сравнительный анализ этой росписи показывает, что подобный узор не встречается в керамических комплексах, выявленных на памятниках Актам, Кунгай и Суфан на западе и юго-западе Ферганы, и указывает на характерные корни возникновения его в восточной части региона. Первая и вторая группы декора в целом представляли вид короны, но во втором случае корона была составлена из соединения корон, что, возможно, являлось своеобразной стратификацией восточных и западных племен эйлатанской культуры или результатом

Ил. 5. Лепная расписная чаша. Узор в виде изогнутых вниз взаимосвязанных линий поверх горизонтальных ромбов или треугольников

Ил. 6. Лепная расписная чаша. Узор под венчиком в виде двух параллельных линий, соединенных вертикальными линиями

синтеза кочевых и оседлых культур на востоке долины.

Третий тип орнамента венчика преподнесен древним художником-оформителем двумя параллельными линиями, соединяющими вертикальными черточками (ил. 2; ил. 6). Сопоставительный анализ данного орнамента также указывает на его принадлежность непосредственно восточным районам Ферганы, так как различные вариации данного декора были выявлены в орнаментации керамических комплексов шурабашатской и эйлатанской культур (Заднепровский 1962: табл. LVIII, 15; табл. LXXVIII, 2).

Четвертый тип представлен лентой в виде двух параллельных линий, в интервале 2-7 см друг от друга и заполненной косой сеткой (ил. 7). Данный элемент уходит корнями в эпоху поздней бронзы, когда подобная «лента» протягивалась от венчика до дна сосуда (Заднепровский 1962: табл. XII, 13; табл. XVII, 7-8; Матбабаев 1999: 43-46, табл. I-IV, Г13-17).

Узоры пятого типа представлены в виде горизонтальных линий в три ряда на кромке сосуда (ил. 3, а; ил. 8), идентифицированы в одной из чашечек, найденных в специальной каменной конструкции, спущенной до уровня камеры могил, в 1 м восточнее изголовья могилы М-2 на кургане Ханабад 1. Еще одним из отличительных узоров Ханабада является появление восьмиконечной / восьмиугольной «звезды» (ил. 9). Близкое к этому изображение имеется в керамике шурабашатской культуры в виде веточек (Заднепровский 1962: табл. XLVII, 7, 16, 28; табл. LVIII, 14, 17; табл. LXI, 8, 12; табл. LXXVIII, 1).

Как интерпретировать эти мотивы-символы? Наша рабочая теория, которая может внести косвенный вклад в их прояснение, такова. В XVIII в. немецкий ученый Г. К. Лихтенберг отмечал, что

в результате воздействия электрического разряда на твердые тела на их поверхности появляются звездообразные и ветвистые изображения (Колтовой 2017: 10, рис. 1). Исследования так называемой «фигуры Лихтенберга», названной в честь этого ученого, продолжались до XXI в. Известно, что электрический заряд наивысшего напряжения в природе существует в молнии, что для древних людей представлялось проявлением божественной силы. Замечено, что на телах людей, пораженных молнией, появлялись подобные фигуры (Троицына 2021). С древнейших времен люди обожествляли явления, часто повторяющиеся в природе (наводнения, бури, пожары, грозы и т. д.). Наиболее впечатляющим, ярким является, конечно, удар молнии и вызванные им пожары. Несомненно, наши далекие предки повсеместно причисляли молнию к оружию богов, и не потому ли размещали на керамике символы в виде звезд и ветвей?

Одним из редких образцов парадной керамики Ханабада является элемент орнамента в виде круга на дне чаши (ил. 10). Сравнительный анализ последнего показывает, что он, как и основная часть вышеперечисленных, свойственен только для местного варианта эйлатанской культуры и отсутствует на памятниках чувстской и шурабашатской культур. Хотя на памятниках второй земледельческой культуры отмечался горизонтальный ряд взаимосвязанных колец, украшающих венчик сосудов (Заднепровский 1962: 304, табл. LVII, 8), кольцевой мотив, логически завершающий всю орнаментальную композицию сосуда, выявлен не был, и пока можно косвенно объяснить его «фигурой Лихтенберга».

Несомненно, предметы, использовавшиеся древними людьми в повседневной жизни, прямо или косвенно указывают также на образ жизни носителей различных культур. Выше приводи-

Ил. 7. Лепная расписная чаша. Узор в виде полосы, заполненной косой сеткой, под венчиком чаши

Ил. 8. Лепная расписная чаша с узором под венчиком в виде трех параллельных линий

лась характеристика керамики, свойственной для кочевых и оседлых культур. В то же время отличительной особенностью лепной расписной керамики древнего Ханабада является то, что в ней переплетены элементы орнамента чустской, эйлатанской и шурабашатской культур. Это свидетельствует об активных контактах между ними, в то время как подобная взаимосвязь привела к смешению (синтезу) двух последних друг с другом. Такие социально-культурные процессы отмечались и раньше (Абдуллаев 2017: 114), но не были акцентированы.

Другим хозяйственным инвентарем являются каменные подпятники, характерные для земледельческих чустской и шурабашатской культур, но не выявленные ни на городище Эйлатан, ни в нижних слоях поселений Сымтепа и Сарвантепа, ни в курганных могильниках (Актепа, Кунгай, Суфан), относящихся к эйлатанской культуре. То же самое можно сказать и о каменных серпах происхождения которых в большинстве случаев восходит к материалам позднего бронзового века (чустская культура) и которые довольно широко использовались носителями шурабашатской культуры (Заднепровский 1962: табл. XXV-XXVI. Гаврюшенко 1970: 9). Однако подобные орудия не упоминаются ни в одном из изученных памятников эйлатанской культуры. Впервые такая находка была отмечена в курганном могильнике Ханабад 1, и причиной этого, судя по всему, является то, что кочевые эйлатанцы находились в непосредственных и тесных контактах с носителями земледельческой культуры шурабашат.

III. В урбанизации и городском планировании также существовала значительная разница между носителями земледельческой и кочевой культур (ил. 11). Наглядным примером является

городище Эйлатан (ни одной планировки поселений не выявлено), возводившееся, по мнению многих исследователей, в сер. I тысячелетия до н.э. Этот город кочевников резко отличается как от предыдущих крупных и средних городов чустской земледельческой культуры (Дальверзин 24 га, Ашкалтепа 13 га, Чуст 4,5 га), так и последующей шурабашатской (Шурабашат 70 га, Ооз-депе, Тотон-депе 20 га, Карадаря 10 га и др.). Города кочевников и земледельцев выделяет еще одна деталь – наличие большого количества хозяйственных ям у последних (Иванов 2013: 3).

Археологические исследования в Ферганской долине начиная с 1960-х гг. выявили примечательный факт: на поздних этапах (вероятнее даже с середины) чустской культуры крупные городские поселения стали уступать место в основном очень маленьким (около 0,005-0,25 га) и малым (около 0,5 га) поселениям (Заднепровский 1962: 84; Заднепровский 1981: 25). Этот вывод интерпретируется на основе экономических и политических факторов того периода следующим образом:

1. Так как земледельцы чустской культуры не дошли до изобретения методов вывода грунтовых вод, и это приводило к засолению посевных площадей, они были вынуждены переезжать с одного места на другое каждые 50-100 лет. Следовательно, возведение крупных городов экономически не оправдывало себя;

2. В большинстве случаев носители чустской культуры не нуждались в продуктах кочевников, потому что они, наряду с земледелием и ремеслом, развивали стойловое скотоводство – второе по значимости в «продовольственной безопасности». Все это довольно емко говорит о наличии

Ил. 9. Лепная расписная чаша. Узор в виде восьмиконечной звезды над местом соединения горизонтальных ромбов

Ил. 10. Лепная расписная чаша. Узор в виде круга у дна сосуда

у первых земледельцев Ферганы¹ достаточного опыта в дальновидном, «многовекторном» и плановом ведении хозяйства.

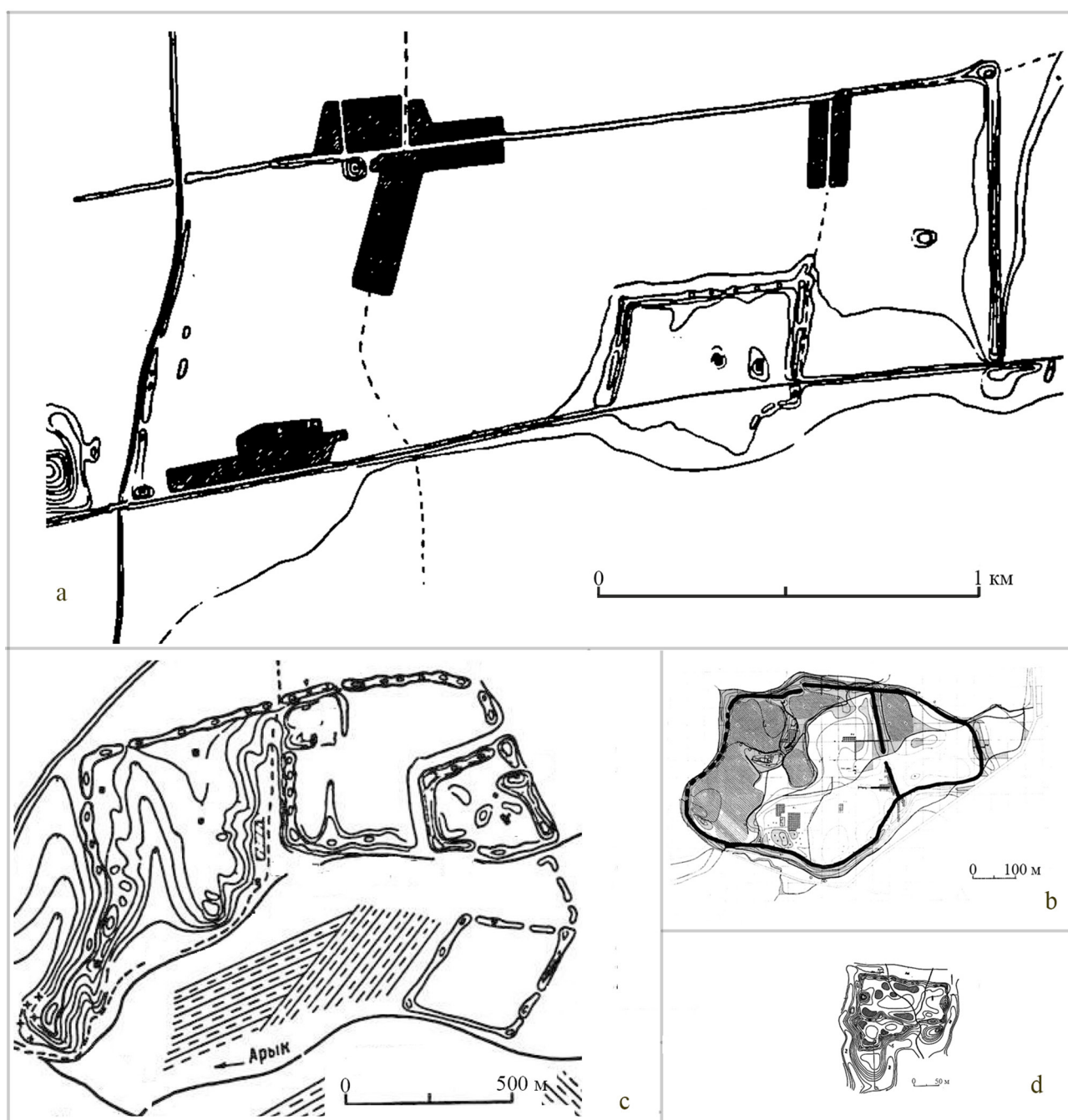
Подобное положение предполагало для кочевников необходимость самим проводить более активные действия по налаживанию социально-экономических, а порой и политических взаимоотношений с земледельцами. В первом случае они были направлены на развитие взаимовыгодной торговли, основанной на равноправном обмене продукцией хозяйствования. Во втором же кочевники, опираясь на наличие своей быстрой и подвижной кавалерии, первоначально стремились к установлению относительного сюзеренитета (в рамках данничества) по отношению к земледельцам чувстской культуры. Однако позже носители шурабашатской культуры, являясь преемниками чувстцев, подпадают в полную политическую зависимость от эйлатанцев. Вероятно, подобный статус земледельцев с последнего этапа развития чувстской культуры в эпоху РЖВ (VIII-VII вв. до н.э.), а затем вплоть до ранних этапов античности (IV-III вв. до н.э.) у носителей шурабашатской культуры диктовал их носителям, оптимальность именно небольших поселений.

С середины I тысячелетия до н.э., по крайней мере в восточной части региона, по всей видимости, были уже изобретены методы против засоленности пахотных земель. Дело в том,

что на изученных памятниках, расположенных вдоль древних каналов Шахрихансай и Андижансай, выявлены образцы материальной культуры (изделия ремесленничества и архитектурные остатки) различных периодов, указывающие на регулярное, последовательное и эволюционное развитие, с учетом некоторых этапов упадка, земледельческих поселений в течение одной и более тысячи лет. Следовательно, в этом периоде древнее оседлое население на протяжении очень длинного хронологического отрезка времени могло интенсивно развивать земледелие без опаски вынужденного переселения в поисках плодородных земель. Справедливости ради нужно отметить, что для шурабашатской культуры также известны довольно крупные города, такие как Шурабашат (70 га), Ооз-депе, Тотон-депе (по 20 га), Карадаря (10 га) и другие. Но они не могли изменить общего облика древнего градостроительства оседлого населения. Хотя подобное положение может сигнализировать о восстановлении былого возвышенного статуса представителей «аристократического» сословия носителей шурабашатской культуры.

Все вышеприведенное является рабочей гипотезой, и чтобы более детально обосновать её, необходимо проводить новые комплексные археологические раскопки, сопоставляя их результаты с материалами предшествовавших полевых и теоретических исследований. Тем не менее, со второй четверти I тысячелетия до н. э. площадь подавляющего большинства поселений земледельцев в своей основе не превышала 0,5-1 га. В свою очередь, этот факт указывает на проблематичность и необоснованность утверждения, что

¹ Для энеолита и раннего бронзового века Ферганской долины выявлен целый ряд артефактов («хакский» и «афлатунский» клады из драгметаллов, каменные гири или амулеты), однако не обнаружено ни одного земледельческого поселения. Поэтому чувстская культура условно считается первой земледельческой.

Ил. 11. Городища эпохи поздней бронзы и раннего железа (составлен по Ю. А. Заднепровскому): а – городище Эйлатан; б – городище Дальверзин; с – городище Шорабашат; д – городище Карадарья

Эйлатан – преемник чувской культуры.

В то же время по основным критериям строительства (форма и площадь) и социально-экономическим причинам (демографическое развитие, а также частичная зависимость от продуктов земледелия и ремесла оседлых общин) Эйлатан больше соответствовал городам, которые строились с древних времен до средневековья кочевыми культурами Евразии. В связи с демографическим ростом кочевые скотоводы евразийских степей

регулярно пополнялись категорией обнищавших сородичей, которые последовательно размещались в специальных поселениях, созданных в рамках кочевого общества, на землях, пригодных для ведения сельского хозяйства или, по крайней мере, садоводства (Плетнева 1967: 181-182; Пэрлэ 1974: 271-274; Давыдова 1978: 55-59; Hayashi 1984: 51-92; Крадин 2007: 126-127). Тот факт, что большинство населения таких городов занималось земледелием, стойловым скотоводством и рыбо-

ловством, а также охотой, подтверждается археологическими свидетельствами (Давыдова 1985: 68-80). Следует также иметь в виду, что расположение незначительного числа жилых строений сохранилось только во внутреннем городе Эйллатан на площади 20 га, в то время как внешний город площадью 200 га был пустошью. Очевидно, этот город возводился на традиционных миграционных путях кочевников и выполнял задачу организации привала для большого количества скота в течение определенного времени и защиты их от угона, наряду с созданием условий для производства «оседавшим» населением дополнительных продуктов земледелия и ремесла.

В отличие от вынужденного градостроительства эйллатанской культуры, у носителей шурабашатской культуры количество городов и населенных мест было археологически зафиксировано более чем в 50 пунктах еще в 1980-х гг. (Заднепровский 1994: 42). В настоящее время их стало известно значительно больше. В то же время большинство шурабашатских памятников, также как и в земледельческой чувской культуре, имело площадь до 0,5-1 га, но количество крупных и средних городов было несколько больше. Такая ситуация, как это было показано выше, стала результатом того, что кочевая аристократия государства из своего, возможно, первоначального центрального города Эйллатан последовательно проникала в города, непосредственно расположенные на плодородных землях шурабашатской культуры. Это требовалось для оптимального руководства внутренней политикой, направленной на освоение новых орошаемых пахотных земель посредством сооружения ирригационных каналов. Такая политика впоследствии привела к укреплению всесторонних связей между этими культурами, обогатив их традиции хозяйственной деятельности, а также градостроительные методы. Вероятно, данный процесс был результатом не столько частичного, сколько масштабного переселения кочевой знати и служащих в крупные и центральные города оседлых племен. Это привело к довольно быстрому запустению городища Эйллатан в отличие от таких исторически близких центральных городов кочевников Центральной Азии, как Канка и Калаи Зохаки Марон, имевших более длительную историю (Сулейманов 2000: 26-28).

Взаимовлияние и синтез носителей эйллатанской и шурабашатской культур нашли отражение также и в раннеантичной архитектуре региона. В частности, городище Мингтепа, в 100 км к юго-востоку от Эйллатана, имело также двойную оборонительную стену, обрамлявшую внутренний и внешний города. Но до конца XX

в. Мингтепа, в отличие от Эйллатана, представлялся в прямоугольной форме (Бернштам 1952: 25-28, рис. 89), что оказалось неудачной съемкой топографического плана городища. Последнее выявлено в результате новых топографических обмеров 2012 г. узбекско-китайской совместной экспедицией – этот город имел форму параллелограмма аналогично плану Эйллатана (Матбобоев и др. 2013: 94, рис. 1; Абдуллаев 2020: 94). В то же время, в отличие от Эйллатана, в центре внутреннего города Мингтепа выявлены цитадель, служившая административным центром, и религиозное сооружение – храм, а также остатки 14 крупных зданий, являвшиеся, по всей видимости, резиденциями представителей «совета старейшин» (Абдуллаев 2018б: 68; Abdullaev 2020: 89).

Все эти факты свидетельствуют о том, что изменения в архитектуре региона периода раннего железа и ранней античности сближали социально-экономические и культурные взаимоотношения носителей эйллатанской и шурабашатской культур под руководством кочевой аристократии, одновременно усиливая роль последних.

IV. Представленные выше выводы по эпохе РЖВ Ферганы имеют непосредственное отношение к исторической действительности. По мнению историков, во второй половине I тысячелетия до н.э. на пути развития классового общества и государства на территории всей Центральной Азии был создан своеобразный «единый политико-экономический организм» (ЕПЭО), объединявший в себе мир кочевых и оседлых культур. Исследователи видели в этом ожесточенную борьбу оседлых и кочевых народов региона против ахеменидских, а затем и греко-македонских захватчиков (Сулейманов 2000: 52). По мнению другого исследователя, именно с этого времени наблюдается симбиоз оседло-земледельческого и полукочевого (скотоводческого) населения. Однако нельзя говорить о единой культуре и называть ее двучленным наименованием (Заднепровский 1993: 22). В то же время, письменные и археологические источники указывают на то, что Даванское государство сначала находилось в союзе с полукочевыми государством Кангюй, а затем и с Кушанами (Литвинский 1976: 55; Кошеленко 1979: 184). Согласно теоретическим выводам ряда исследователей, взаимоотношения таких оседлых и кочевых племен начали формироваться еще в эпоху бронзы и развивались вплоть до позднего средневековья (Литвинский 1962: 231; Кузмина 1966: 93, 94; Салтовская 1978: 96; Горбунова 1984: 101; Аскаров, Альбаум 1979: 72-74, рис. 1, 5-6, 8-9; Аскаров 2015: 185-189).

Результаты наших исследований свидетельствуют о том, что между земледельческими и

кочевыми культурами Ферганы раннежелезного века сложились не только культурные, но и установились родственные связи. Такие процессы, несмотря на кажущуюся выгоду для обеих сторон, были инициированы, как указывалось выше, аристократической верхушкой эйлатанской культуры. В этом согласны как предшествовавшие, так и современные исследователи Ферганы, которых объединяет мысль, что «кочевники сохранили контроль над становлением и развитием первой централизованной государственности в долине» (Горбунова 1984: 102; Иванов 2013: 3-4).

Несомненно, в основе подобных выводов лежат сведения, что кочевники в силу своего образа жизни были очень мобильными и могли за короткое время преодолевать большие расстояния. Из-за постоянных миграций по горам, степям и низинам они были хорошо осведомлены почти о всех коротких и обходных путях и бродах рек. Наличие оперативного мышления в масштабах природных широт, а также мобильной кавалерии придавало правителям кочевников огромное военное преимущество. В этом плане возможности древних земледельцев были намного ниже. Известно, что земледельцами был сделан ряд открытий, направленных на интенсивное улучшение труда и производительности в области сельского хозяйства, однако эти процессы внедрялись лишь в стационарных поселениях и, максимум, в масштабах микрооазисов.

Приведенные выше факты оказали непосредственное влияние на социально-политические и экономические процессы эпохи раннего железа и ранней античности региона. Из представленных реалий прошлого Ферганы можно сделать следующий вывод: правящая верхушка земледельческих племен находилась в «вассальном» положении по отношению к кочевой аристократии, находившейся в положении «сюзерена». Однако более подробные детали данной проблематики еще ждут своего решения в последующих исследованиях.

V. Первые элементы государственности в регионе начали формироваться еще в период чустской культуры. Некоторые исследователи хотели видеть структуру государственности в чустской культуре с ее «центральной столицей» (Дальверзин). Однако в этом отношении пока ничего более приемлемого не выявлено, кроме таких понятий, как «социальная стратификация» и «формирующиеся городские центры» (Заднепровский 1973: 18). Несомненно, эти процессы эпохи поздней бронзы явились одной из неотъемлемых частей основания, на котором формировалась Древнеферганское государство (Давань), впервые упо-

мянутое в китайских летописях в конце II в. до н.э. Между тем, период формирования этой государственности приходится на середину I тысячелетия до н.э., что подтверждается также новыми полевыми исследованиями (Абдуллаев 2017: 116). Отмечено, что именно с этого времени археологически фиксируются основные линии градостроительства региона, получившие развитие с востока на запад. Данное положение, в первую очередь, связано с прогрессивной внутренней политикой Древнеферганского централизованного государства, направленной на широкомасштабное строительство искусственных ирригационных сооружений. В основе этих политико-экономических процессов лежало освоение новых пахотных земель для развития и расширения посевных площадей под земледелие, что повлекло за собой появления новых поселений вокруг государственных замков, возводившихся вдоль таких каналов, как Андижансай и Шахрихансай. Последнее же усиливало развитие ремесленного производства и, следовательно, внутреннюю и внешнюю торговлю.

По мнению геологов четвертичного периода, строительство верховья указанных каналов началось еще три тысячи лет назад (Заднепровский 1962: 74), но основная часть этих огромных искусственных ирригационных сооружений вводилась постепенно: на первом этапе (V-I до вв. н.э.) Андижансай и часть Шахрихансай; на втором этапе (I-IV вв.) – вторая половина Шахрихансай. Известно, что ранние ирригационные сооружения эпохи поздней бронзы (чустская культура) функционировали в виде небольших арыков до нескольких сотен метров, создававшихся методом соединения нескольких существовавших древних родников и небольших сезонных русел в предгорьях. Только с возникновением централизованного государства в Фергане появились каналы в несколько десятков километров. Основная часть древних каналов сооружалась вначале в восточной части долины – на территории, где располагалось большинство памятников шурабашатской культуры, а со второй половины античности – в ее западной части (Береналиев 1975: 150-154; Абдуллаев 2017: 116-117).

Такие памятники, как Коштепа 2 и Ханабад 2, возникали, как минимум, в середине I тысячелетия до н.э., вероятнее всего, в процессе сооружения крупных ирригационных систем искусственного орошения – таких как Андижансай, Шахрихансай, Савайарык, Узгенарык, Карасув и др. Согласно результатам исследований О.Б. Береналиева, массовое строительство оросительных каналов осуществлялось в восточных районах долины, где в основном зафиксированы посе-

ления шурабашатской земледельческой культуры и именно в период развития Древнеферганского государства под руководством кочевой аристократии эйлатанской культуры. Выше отмечалось, что проведение, на основании объединения родниковых русел, различных арыков-каналов от полноводных рек (Карадарья) к орошаемым посеваемым площадям – изобретение древних земледельцев. Однако создание крупных искусственных водных сооружений в огромных масштабах было под силу только централизованному государству. Все эти данные приводят к выводу, что по определенному государственному замыслу целенаправленно мобилизовывались трудовые людские и материальные ресурсы кочевых и земледельческих культур, контролируемые государственными служащими, для которых вдоль сооружаемых каналов возводились государственные замки.

Таким образом, можно сделать вывод, что носители эйлатанской культуры имели генетическое родство с кочевой кайраккумской культурой, а не с предшествующими земледельцами. При этом они установили сначала экономические и культурные связи с чустской культурой, а затем с ее преемниками – носителями шурабашатской культуры, причем эти отношения были гораздо ближе со второй, в результате которого было основано Древнеферганское государство (Давань). Смешение эйлатанской и шурабашатской культур осуществлялось активными действиями и под руководством первой. При этом эйлатанская знать управляла государством не из своего центрального (?) города Эйлатан, а строила свою ставку в восточной части долины на непосредственной территории земледельцев – Мингтепа (Андижанская область). Это позволяло эйлатан-

скому руководству быть в центре социально-экономических и политических событий для ведения необходимых работ по развитию экономического могущества нового государства посредством строительства магистральных оросительных каналов. Все перечисленное привело к внедрению в государственное управление кочевой системы, основанной на коллегиальности, определяемой верховенством решений «совета старейшин», ограничивающей единоличную власть правителя.

Хотя представители шурабашатской культуры сделали много изобретений в области ремесел, искусственных гидротехнических сооружений для развития земледелия, а также строительства поселений и городов, их реализация в больших масштабах осуществлялась под руководством кочевников. Основная причина такого положения заключается в том, что если земледельцы производили свою продукцию в достаточном количестве для удовлетворения своих потребностей, то аристократия древнеферганского (Даваньского) государства – возможно, за счет увеличения налогового бремени – использовала ресурсы земледельцев для получения большей прибыли. И данная политика привела к более прогрессивным результатам. Дело в том, что радикальное развитие сельского хозяйства посредством создания крупных каналов, таких как Шахрихансай и Андижансай, привело не только к освоению новых целинных земель, но и к быстрому развитию урбанизации, внутренней и внешней торговли, различных социально-экономических производственных инфраструктур. Этот факт показывает, что синтез кочевой и земледельческой культур способствовал подъему человеческого развития в Ферганской долине.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абдуллаев 2010 – Абдуллаев Б. М. Об элементах кочевой культуры в фортификационных сооружениях Ферганы // *Материалы Международной научной конференции “Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии”*. Самарканд, 2010. С. 61-68.
- Абдуллаев 2014 – Абдуллаев Б. М. Андижон вилояти археологик ёдгорликлари // *Фарғона водийси тарихи янги тадқиқотларда*. Республика (III) илмий анжумани материаллари. Фарғона, 2014. Б. 47-49.
- Абдуллаев 2016а – Абдуллаев Б. М. Некоторые итоги раскопок 2014-2015 гг. на памятнике Коштепа-2 // *Археология Узбекистана*. 2016. № 1. С. 45-48.
- Абдуллаев 2016б. – Абдуллаев Б. М. Некоторые итоги исследований на поселении Коштепа-2 // *Тезисы докладов Международной научной конференции “Аспекты Согдийской культуры”*. СПб., 2016. С. 4-12.
- Абдуллаев 2017 – Абдуллаев Б. М. Урбанизационные процессы античной Ферганы // *История и археология Турана*. Самарканд, 2017. № 3. С. 113-120.
- Абдуллаев 2018а – Абдуллаев Б. М. К проблеме последовательного или параллельного существования культур Ферганы эпохи раннего железа и античности // *Вестник МИЦАИ*. № 1 (27). Самарканд, 2018. С. 5-18.
- Абдуллаев 2018б – Абдуллаев Б. М. Довон давлати ва унинг пойтахти муаммосига доир // *Ўзбек давлатчилиги тарихида Ахсикент шахрининг ўрни*. Наманган, 2018. Б. 63-73.

- Абдуллаев 2019. – Абдуллаев Б. М. Бир ёдгорликда Фарғона тарихи // История и археология Турана. 2019. № 4. С. 91-116.
- Абдуллаев 2020 – Абдуллаев Б. М. Некоторые замечания по проблеме древнеферганского государства и его столицы // Вестник МИЦАИ. № 30. Самарканд, 2020. С. 91-100.
- Аванесова 2010 – Аванесова Н. А. Проявление степных традиций в сапаллинской культуре // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Материалы науч. конф. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2010. С. 27-34.
- Аванесова 2013 – Аванесова Н. А. Погребальный обряд некрополя Бустон VI, как отражение межкультурных взаимодействий // Культурный трансфер на перекрестке Центральной Азии: до, во время и после Шелкового пути. Материалы науч. конф. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2013. С. 107-133.
- Акулишина 1985 – Акулишина Е. П. Глинистое вещество и осадочный рудогенез (Труды Института геологии и геофизики СО АН СССР. Вып. 62). Новосибирск: Наука, 1985.
- Амброз 1965 – Амброз А. К. Раннеземледельческий культовый символ // СА. 1965. № 3. С. 14-27.
- Анарбаев и др. 2015 – Анарбаев А., Максудов Ф., Кубаев С. Чильхуджра (Кыркхуджра): руины древнего города северо-западной Ферганы // ИМКУ. Вып. 39. Самарканд, 2015. С. 89-112.
- Аскарлов 2015 – Аскарлов А. А. Ўзбек халқининг келиб чиқиш тарихи. Тошкент, 2015.
- Аскарлов, Альбаум 1979. – Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент: Фан, 1979.
- Бернштам 1952 – Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая (МИА № 26). М., 1952.
- Виноградова 2004 – Виноградова Н. М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.: Институт востоковедения РАН, 2004.
- Гаврюшенко 1970 – Гаврюшенко П. П. Кулунчакское укрепленное поселение // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1970.
- Гамбург, Горбунова 1957 – Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Ак-тамский могильник // КСИИМК. Вып. 69. М., 1957. С. 78-90.
- Горбунова 1961а – Горбунова Н. Г. Кунгайский могильник // АСГЭ. Вып. 3. Л., 1961. С. 171-194.
- Горбунова 1961б – Горбунова Н. Г. К вопросу о расписной керамике в Ферганской долине // СГЭ. Вып. XXI. Л., 1961. С. 41-44.
- Горбунова 1962 – Горбунова Н. Г. Археологические работы в Фергане // СГЭ. Вып. XXII. Л., 1962. С. 54-60.
- Горбунова 1969 – Горбунова Н. Г. Суфанский могильник // АСГЭ. Вып. 11. Л., 1969. С. 72-91
- Горбунова 1976 – Горбунова Н. Г. Фергана по сведениям античных авторов // История и культура народов Средней Азии: Древность и средние века. М.: Наука, 1976. С. 26-30.
- Горбунова 1977 – Горбунова Н. Г. К вопросу о датировке комплексов с шурабашатской керамикой в Восточной Фергане // АСГЭ. Вып. 17. Л., 1977. С. 52-56.
- Горбунова 1979 – Горбунова Н. Г. Итоги исследования археологических памятников Ферганской области // СА. 1979. № 3. С. 16-46.
- Горбунова 1983 – Горбунова Н. Г. Кугай-карабулакская культура Ферганы // СА. 1983. № 3. С. 23-46.
- Горбунова 1984 – Горбунова Н. Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // АСГЭ. Вып. 25. Л., 1984. С. 99-107.
- Горбунова 1996 – Горбунова Н. Г. Древние связи скотоводов Ферганы и соседних территорий // Сборник к 100-летию юбилею Ферганского краеведческого музея. Фергана, 1996. С. 138-150.
- Горбунова, Козенкова 1974. – Горбунова Н. Г., Козенкова В. И. Сым-Тепе - поселение в Фергане // АСГЭ. Вып. 16. Л., 1974. С. 95-104.
- Давыдова 1978 – Давыдова А. В. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну // КСИА. № 154. М., 1978. С. 55-59.
- Давыдова 1985 – Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Наука, 1985.
- Заднепровский 1954 – Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1954.
- Заднепровский 1960а – Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960.
- Заднепровский 1960б – Заднепровский Ю. А. Городище Эйлатан // СА. 1960. № 3. С. 29-45.
- Заднепровский 1962 – Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы (МИА. № 118). М. – Л., 1962.
- Заднепровский 1981 – Заднепровский Ю. А. К истории оазисного расселения в первобытной Средней Азии // КСИА. Вып. 167. М., 1981. С. 23-27.
- Заднепровский 1990 – Заднепровский Ю. А. Погребальные памятники эйлатанской культуры Ферганы // КСИА. Вып. 209. М., 1990. С. 87-95.
- Заднепровский 1993 – Заднепровский Ю. А. Спорные вопросы истории культуры древней Ферганы // КСИА. Вып. 199. М., 1993. С. 17-23.
- Заднепровский 1997 – Заднепровский Ю. А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997.
- Иванов 1996 – Иванов Г. П. Проблемные вопросы периодизации культур древней Ферганы // Сборник к 100-летию юбилею Ферганского краеведческого музея. Фергана, 1996. С. 115-137.
- Иванов 1999 – Иванов Г. П. Археологические культуры Ферганы (периодизация и синхронизация) // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 1999.
- Иванов 2006 – Иванов Г. П. Новые данные по истории г. Кува // Археологические исследования в Узбекистане в 2004-2005 гг. Самарканд, 2006. С. 124-126.
- Иванов 2013 – Иванов Г. П. Государственность на территории Узбекистана в свете истории Ферганы // <https://uz.denemetr.com/docs/768/index-280993-1.html>
- Исамиддинов 2002 – Исамиддинов М. Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и период античности). Таш-

- кент: Изд-во им. А. Кадыри, 2002.
- Калиновски 2013 – Калиновски И. «Искусство кочевников Центральной Азии» (1931 г.): Карл Эйнштейн и концепция искусства кочевников // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого Шелкового пути. Париж – Самарканд: МИЦАИ, 2013. С. 195-201.
- Караматов 2017 – Караматов Х. С. Древние культы Центральной Азии. Самарканд – Ташкент, 2017.
- Козенкова 1959 – Козенкова В. И. Археологические работы в Андижанской области в 1956 году // КСИИМК. Вып. 76. 1959. С. 56-62.
- Колтовой 2017 – Колтовой Н. А. Метод Кирлиан. Фигуры Лихтенберга (Математическая морфология. Часть 5). М. – Смоленск, 2017.
- Комороци 1981 – Комороци Г. К символике дерева в искусстве древнего Двуречья // Древний Восток и мировая культура. М., 1981. С. 142-154.
- Кошеленко 1979 – Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979.
- Крадин 2007 – Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-пресс, 2007.
- Кузмина 1966 – Кузмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии (САИ. Вып. 4-9). М.: Наука, 1966.
- Латынин 1956 – Латынин Б. А. Эйлатанская расписная чаша // КСИИМК. Вып. 80. М.: 1956. С. 90-92.
- Латынин 1961 – Латынин Б. А. Некоторые итоги работы Ферганской экспедиции 1934 г. // АСГЭ. Вып. 3. Л., 1961. С. 126-150.
- Литвинский 1960а – Литвинский Б. А. Саки, которые за Согдом // Труды АН Таджикской ССР. Том. СХХ. Душанбе, 1960. С. 91-96.
- Литвинский 1960б – Литвинский Б. А. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов // Древности Кайрак-Кумов (Труды АН Таджикской ССР. Том. XXXII). Душанбе, 1960. С. 90-403.
- Литвинский 1973 – Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973.
- Литвинский 1976 – Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976. С. 49-65.
- Малтаев и др. 2000 – Малтаев К. Ж., Молдобаев И. Б., Насиров Т. А., Сулайманов Э. Ж. Раскопки городища Ооз-дебе в 2000 году // Ош и древности Южного Кыргызстана. Бишкек, 2000. № 5. С. 33-49.
- Матбабаев 1999 – Матбабаев Б. Х. Некоторые итоги сравнительного изучения чувстской керамики // ИМКУ. Вып. 30. Ташкент, 1999. С. 41-54.
- Матбабаев и др. 2013 – Матбабаев Б. Х., Чен Линг, Исамиддинов М. Х., Алохунов А., Абдулгазиева Б., Ильясова С., Хошимов Х. Археологические работы на городище Мингтепа // Археологические исследования в Узбекистане - 2012 год. Самарканд, 2013. С. 93-100.
- Матбабаев, Грицина 2000 – Матбабаев Б. Х., Грицина А. А. Археологические исследования в юго-западной части шахристана Кувы (Кубы) // ИМКУ. Вып. 31. Ташкент, 2000. С. 91-110.
- Матбабаев, Хошимов 2021 – Матбабаев Б. Х., Хошимов Х. Б. Эйлатанская культура и вопросы изучения раннежелезного века Ферганы // Культуры азиатской части Евразии в древности и средневековье. Самарканд, 2021. С. 119-122.
- Оболдуева 1962 – Оболдуева Т. Г. Раскопки 1960 года на городище Эйлатан // КСИА. Вып. 91. М., 1962. С. 38-47.
- Оболдуева 1981 – Оболдуева Т. Г. О датировке стен Эйлатана // СА. 1981. № 4. С. 186-195.
- Пэрлээ 1974 – Пэрлээ Х. К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике // Бронзовый и ранний железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 271-274.
- Салтовская 1978 – Салтовская Е. Д. О погребениях скотоводов в Северо-Западной Фергане // КСИА. Вып. 154. М., 1978. С. 91-99.
- Сарианиди 1977 – Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
- Сулейманов 2000 – Сулейманов Р. Х. Древний Нахшаб. Ташкент: Фан, 2000.
- Троицына 2021 – Троицына М. Молния рисует узоры на теле // <https://www.yoki.ru/anomalous/unreal/17-03-2012/400229-keranograf-0/>
- Черников 1975. – Черников С. С. Некоторые закономерности исторического развития ранних кочевников (по археологическим материалам Западного Алтая) // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М.: Наука, 1975. С. 282-287.
- Abdullaev 2020 – Abdullaev B. M. Some remarks on the issue of the ancient Ferghana state and its capital // Bulletin of IICAS. Vol. 30. Samarkand, 2020. P. 89-98.
- Abdullaev 2021 – Abdullaev B. M. Eylatan madaniyati // The history of the Fergana valley in new researches. www.research-support-center.com, 2021. B. 3-11.
- Abdullaev, Kambarov 2021 – Abdullaev B. M., Kambarov N. Sh. Xonobod yodgorliklari tadqiqotlarining dastlabki natijalari // The history of the Fergana valley in new researches. www.research-support-center.com, 2021. B. 233-249.
- Baratov 2001 – Baratov S. R. Fergana und das Syr-Dar'ja-Gebiet im späten 2. und frühen 1. Jahrtausend v. Chr. // Migration und Kulturtransfer. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. bis 26. November 1999. Bonn, 2001. P. 161-180.
- Briant 1982 – Briant P. État et pasteurs au Moyen-Orient ancien (Production pastorale et société.) [iv], 267 pp. Paris: Éditions de la Maison des Sciences et de l'Homme; Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Fettich 1958 – Fettich N. Über den sinn der prähistorischen ornamente // Acta Archaeologica, T. IX. Budapest, 1958. P. 115-124.
- Francfort 1989 – Francfort H. -P. Fouilles de Shortugai // Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Vol. I, II. Paris: Diffusion de Boccard, 1989.
- Hayashi 1984 – Hayashi T. Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu // Bulletin of the Ancient Orient Museum. Vol. VI. Tokyo. 1984. P. 51-92.